

О ЦЕННОСТИ ЛИЧНОГО ОБЩЕНИЯ В МИРЕ ГУМАНИТАРНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

Досточтимейшие коллеги!

Сегодня нет ни малейшей необходимости доказывать кардинальную роль феноменов информации и коммуникации в современном обществе. Сам выбор темы нашего форума - одно из многих свидетельств этой роли, и, как все мы знаем, современное общество определяется в своем типе, своей природе как «информационное» или «коммуникационное» общество, явившееся на смену индустриальному и постиндустриальному. Соответственно, коммуникация как акт и процесс передачи информации есть сегодня главнейший и ключевой социальный механизм, и механизм решительно безальтернативный. Больше того, как убедительно рассуждал Никлас Луман, коммуникацию следует считать первопринципом общества, она полагает общество и социальный порядок, она первичней нежели само общество. Многие из самых влиятельных философов современности, начиная с Витгенштейна, такие как Хабермас, Апель и др., часто и с полным основанием именуется «философами коммуникации», в их трактовке реальность предстает как «коммуникативная реальность», а познание как таковое осуществляется лишь из перспективы участия в коммуникации. Таким образом, коммуникация – господствующая и всеохватывающая стихия, если угодно, сама материя социального существования; и разумеется, она обладает богатым многообразием форм, видов, технологий, которое, к тому же, постоянно расширяется и растет. В новейшее время в этом многообразии активнее всего развиваются и получают преобладание медийные и виртуальные формы и технологии коммуникации. За счет их бурного роста и всепроникающего внедрения, коммуникативная насыщенность социальной жизни, всего существования современного человека достигает предела.

Процесс интенсивного развития сферы коммуникации и повышения ее роли в жизни человека и общества принято рассматривать как несомненное достижение современной цивилизации, показатель ее прогресса и успеха. И действительно, его положительные стороны, открываемые им новые возможности бесспорны и очевидны. Однако существуют, тем не менее, и другие стороны, и более точным будет сказать, что данный процесс глубоко амбивалентен: приносимые им приобретения сочетаются с существенными утратами. Сегодня уже прочно замечено, что современный *прогресс коммуникации одновременно представляет собою регресс общения*. И наиболее значительный регресс и ущерб для общения несут с собой именно новейшие и самые прогрессивные коммуникативные технологии, медийные и виртуальные. Медийные коммуникации порождают симулякры – такие коммуницируемые содержания, что представляют собой знаки особого рода – означающие, за которыми нет никакого означаемого, но которые тем не менее воспринимаются и воздействуют, создавая у адресатов коммуникации мнимую и фальшивую картину реальности. При этом, размножение симулякров нарастает еще быстрее и сильнее нежели само развитие массмедиа, так что мир потребителей медийной коммуникации оказывается охвачен тотальным превращением его в мир симулякров. С этим тесно связано и еще одно, хорошо известное обстоятельство: медийные коммуникации – это *безличные* формы

¹ Пленарный доклад на Международном научном форуме «Пространство гуманитарной коммуникации». Киев, 28 октября 2011 г.

коммуникации, в которых сообщения, получаемые человеком, в конечной сути своей выражают лишь свою медийность, медийную природу, – что и зафиксировал знаменитый афоризм Маклюэна: *Media is the message*. В ходе таких коммуникаций, как и в подлинном общении, человек изменяется, но только изменяется он к своему превращению в медийный конструкт, то есть не к углублению, а обмелению, редукции своей человечности, своей личностно-экзистенциальной стихии. Уместно тут вспомнить и давнее предостережение Марины Цветаевой:

Брось, девушка! Родишь читателя газет!

Что же касается виртуальных технологий коммуникации, таких как общение в Интернете и социальных сетях, то происходящая здесь виртуализация общения сегодня уже немало анализировалась и критиковалась. Этот род коммуникаций обнаруживает сходные качества. Хотя виртуальная коммуникация, вообще говоря, не является безличной, а представляет собой все же человеческое взаимодействие, способное развиваться и углубляться, однако, по самой природе виртуального, это общение всегда лишено каких-либо существенных предикатов актуального общения, оно принципиально не может достигать насыщенной полноты подлинного общения во всех его измерениях. Оно лишено обязательности и ответственности, которые несет встреча лицом к лицу, и человек в нем заведомо не может проявлять и реализовывать себя во всей своей цельности. Что особенно важно, в нем отсутствует *фактор человеческого лица*, которое и является откровением цельного человека. Хотя и способное заинтересовывать, задевать, зацеплять, оно всегда поверхностно, необязательно и частично, и сплошь и рядом оно используется не только для открытия, но равно и для скрытия себя. Оно не насыщает сполна духовно-душевных потребностей человека, и человек, как правило, начинает испытывать фрустрацию. Чтобы преодолеть ее, он множит свои виртуальные контакты, увеличивает длительность виртуального общения – но это все бесплодно.

Резюмировать все эти черты новейших видов коммуникации можно наглядно-схематически. Сравнительно с обычным человеческим общением в эмпирической реальности, эти коммуникации выстраивают целое многообразие новых форм; и это многообразие можно представлять упорядоченным, как некую иерархию, нисходящую вниз, ко все более обездушенным, поверхностным и частичным формам. Это – иерархия по убыванию экзистенциально-личностной, духовно-душевной насыщенности общения. В конце такой иерархии будет, очевидно, чисто формализованное общение, какое осуществляется меж компьютерными системами и передается термином «общение протоколов». Итак, в новейших коммуникациях, медийных и виртуальных, человеку предлагается иерархия форм общения, нисходящая от полноценного личностного общения – к общению протоколов. С укреплением своего господства, эти новые виды коммуникаций несут кризис человеческого общения.

Но главная задача моего малого доклада – не воспроизвести лишний раз критику этих форм общения, сегодня звучащую достаточно часто, но указать, напомнить, что существуют и другие миры общения, где актуализуются совсем иные, противоположные потенции человека. Эти миры связаны с феноменом личного общения, каким оно осуществляется в духовной жизни. Их можно обнаружить во многих и разнообразных проявлениях и контекстах, но наиболее ярко и полно они представлены в духовной практике. Здесь мы их кратко и рассмотрим, на примере православного исихазма (которому будет посвящена открывающаяся сегодня конференция). Эта практика, зарождавшаяся в древнем монашеском отшельничестве, прежде рассматривалась, да нередко рассматривается и сегодня как пример крайней асоциальности, радикального выхода из общества и общения. Но в связи с нашей темой, я бы позволил себе сказать, пускай и несколько заостряя, что исихазм представляет собой не что иное как *школу высших форм личного общения*. Как в сфере современных коммуникаций мы нашли иерархию форм общения, нисходящую вниз, к предельно обедненному общению как

общению протоколов, обмену битами информации – так в исихастской практике мы находим тоже иерархию форм общения, однако совсем других: иерархию все обогащающихся форм, восходящую вверх, к вершине, которую занимает абсолютная полнота общения, данная как общение онтологическое, совершенный обмен бытием, или взаимообращение бытия между совершенными Личностями-Ипостасями, что именуется *перихорисис*.

Опишем эту восходящую иерархию немного подробнее. Исихастская практика уже и начинается с создания особой формы общения – общения в антропологической ячейке-диаде послушник – старец. Это – асимметричное общение, как и большинство форм восходящей иерархии: в них одна из сторон путем общения питает личностный рост другой. В диаде послушник – старец общение достигает такой глубины, что старцу делается открыт, прозрачен внутренний мир послушника, а послушник испытывает трансформацию своего мира, вступая на путь, ведущий к бытийному претворению. Дальнейший путь практики построен в ступенчатой парадигме, это – знаменитая исихастская Лествица, ступени которой восходят к соединению человека с Богом. Восхождение совершается, прежде всего, посредством молитвы, то есть общения с Богом, и каждой из ступеней Лествицы соответствует определенная форма молитвенного Богообщения. Можно сказать поэтому, что общение составляет одно из имманентных измерений практики, и в этом измерении исихастская Лествица представляется как восходящая иерархия форм общения.

Что это за формы? Природа их коренится в теснейшей связи общения и личности. По христианскому учению, понятие личности относится к Богу, личность как таковая есть Божественная Ипостась; и восхождение человека к соединению с Богом есть, тем самым, не что иное как его приобщение к Личности-Ипостаси, становление человека личностью. Поэтому ступени восхождения – это ступени строительства личности человека, и строительство это совершается в общении и путем общения, в ходе которого пространство общения последовательно расширяется, охватывая все новые личностные содержания. Однако общение – не только способ строительства личности, но и более того, способ самого ее существования и бытия. В православном богословии Божественное бытие передается формулой «личное бытие-общение», общение выступает здесь как дефиниция личности, причем очевидно, что в горизонте Божественного бытия реализуется не какая-либо из частных форм общения, присущих бытию эмпирическому, но общение совершенное, само общение как таковое в своей абсолютной полноте. Эта вершина всех форм общения, как сказано выше, носит название *перихорисис*, обход по кругу, и мыслится как совершенный взаимообмен бытием между Личностями-Ипостасями, вневременное обращение бытия, образующее Троиединую Личность Бога. И формы общения, созидаемые на ступенях практики, постепенно углубляясь, вовлекая в себя всего цельного человека и переустраивая его, восходят к этой полноте онтологического, бытийного общения – хотя и не могут всецело ее достичь, оставаясь в эмпирическом бытии. В современном дискурсе коммуникации, эти формы можно охарактеризовать как обладающие особой дополнительной модальностью. По А.Греймасу, коммуникация имеет три базовые модальности, знать – мочь – хотеть, в которых осуществляется, соответственно, передача информации, власти и ценности, объекта желания. Но все они не исчерпывают того, что передается в духовной практике (и шире, в духовной жизни). Здесь мы должны признать за коммуникацией еще одну модальность, личностную или же бытийную, что в православном дискурсе синонимично. И «высшие формы общения», созидаемые здесь, – это именно те, что обладают данной личностной (бытийной, онтологической) модальностью.

Такова беглая, упрощенная схема форм общения, и она небесполезна для ориентации в реальности наших дней. Универсум общения представился нам в виде двух взаимно противоположных иерархий, которые обе имеют своим основанием обычные практики

общения в обыденной жизни. Новые технологии коммуникаций, продвигающиеся к тотальному господству в мире, создают *нисходящую иерархию* все более обедненных, редуцированных форм общения, ведущих к его полной виртуализации и превращению в машинное «общение протоколов». Помимо обеднения общения, их господство несет и реальные риски, опасности и угрозы существованию человека. Эти опасности сегодня также общеизвестны: к примеру, глубокий, длительный уход в виртуальную реальность затрудняет отношения человека с актуальной реальностью, ухудшает его способность контроля и управления собой и окружающей ситуацией, повышает риски техногенных катастроф; развивающиеся постчеловеческие тренды строят проекты устранения человека, замены его неким «Постчеловеком» в виде киборга или генетического мутанта; и т.д. Напротив, в духовной практике, в восхождении к личному бытию-общению создается *восходящая иерархия* форм, в которых общение достигает все большей глубины и насыщенности, так что в нем происходит обогащение личности, генерация более тонких, дифференцированных и высокоорганизованных структур личности и идентичности человека. Вершина этой иерархии, недостижимая в здешнем бытии, – онтологическое тождество общения, личности и бытия, что и есть личное бытие-общение, Троица Божественная Личность. Ведущие же к вершине высшие формы общения в наиболее чистом виде культивируются в аскетической практике, но их можно также найти и в более широкой сфере, в мире религиозного опыта и близких, примыкающих к нему антропологических практик. Стоит, в частности, вспомнить, что особая развитость личного общения, его необычайная напряженность, экзистенциальная глубина традиционно считались отличительным свойством русского менталитета, русской среды – свойством, что всегда поражало людей Запада. Поэтому в русской культуре, особенно, в русской классике и, в первую очередь, у Достоевского, можно почерпнуть многое о высших формах общения. Та коммуникация, которую мы находим здесь, демонстрирует реально существующую и действующую личностную модальность.

Из этой картины можно извлечь и практические выводы. Сегодняшнее торжество нисходящей иерархии несет угрозы и риски для человека, несет антропологический кризис; и, как легко согласиться, эта антропологическая ситуация нуждается в оздоровлении, коррекции. Как подсказывает наша схема, средством такой коррекции может служить новое обращение к формам общения, принадлежащим к восходящей иерархии и потому укрепляющим и обогащающим личностные начала и структуры в человеке: *возвращающим общению личностную модальность*. В сегодняшней ситуации личное общение, сохраняющее всю возможную полноту межличностного общения, приобретает новое значение: оно выступает как антропологическая ценность и ресурс для борьбы с антропологическим кризисом.

Но, вместе с тем, возврат к этим формам не должен иметь целью реставрацию, отказ от новейших форм и технологий коммуникации. Сегодня такой отказ уже попросту невозможен: при всех опасных сторонах этих технологий, они адекватны миру современной цивилизации и сплошь и рядом незаменимы. Поэтому нужной стратегией является скорее не вытеснение их, а именно определенная коррекция, которая достигалась бы их сочетанием с высшими формами, полноценными личностно, экзистенциально и духовно. Попытку такого сочетания можно видеть в формирующейся в наши дни постсекулярной парадигме, которая ставит целью выстраивание диалогического партнерства религиозного и секулярного сознания. В очередной раз в истории, спасительный путь для человека и общества оказывается в отыскании гармонического баланса старого и нового.